

Научная статья

УДК 821.112.2

DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_143

Мистическое в йенском романтизме: постановка проблемы в отечественном и зарубежном литературоведении

И. Б. Чернявский¹, Е. В. Сомова²

¹Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹ibrodiaga@mail.ru

²shalot1@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается феномен мистического умонастроения в раннем немецком романтизме как литературоведческая проблема, сталкивающаяся с рядом терминологических и методологических трудностей. Анализируется этимология, определения и ключевые характеристики мистики, являющейся особой формой целостного познания и сакрализованного переживания. Выявляется своеобразие мистического в йенском романтизме и дается краткий обзор отечественных и зарубежных исследований, в которых поднимается и интерпретируется проблема романтической мистики.

Ключевые слова: йенский романтизм, мистика, мистическое чувство, романтическая эстетика, отечественная германистика, немецкое литературоведение

Для цитирования: Чернявский И. Б., Сомова Е. В. Мистическое в йенском романтизме: постановка проблемы в отечественном и зарубежном литературоведении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 143–149. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_143

Original article

Mysticism of Jena Romanticism: the Problem Statement in Russian And Foreign Literary Studies

Ivan B. Chernyavskiy¹, Elena V. Somova²

¹Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹ibrodiaga@mail.ru

²shalot1@rambler.ru

Abstract. The article deals with the phenomenon of mystical mindset in early German romanticism as a literary studies problem that faces a number of terminological and methodological difficulties. The article analyzes the etymology, definitions and key characteristics of mysticism, which is a special form of holistic cognition and sacralized experience. It reveals the specificity of mystical in Jena romanticism and provides a brief overview of Russian and foreign researches, which touch upon the problem of romantic mysticism and interpret it.

Keywords: Jena romanticism, mysticism, mystical feeling, romantic aesthetics, Russian German studies, German literary studies

For citation: Chernyavskiy, I. B., Somova, E. V. (2023). Mysticism of Jena romanticism: the problem statement in russian and foreign literary studies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(878), 143–149. 10.52070/2542-2197_2023_10_878_143

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха романтизма объединила многие знаковые тенденции и явления европейской культуры второй половины XVIII в., включая интерес к чувству в сентиментализме, идею автономии искусства и свободы творчества штюрмеров («Sturm und Drang»), переосмысление мифологии и истории под влиянием К. Ф. Морица (Karl Philipp Moritz, 1756–1793) и И. Гердера (Johann Gottfried Herder, 1744–1803), а также эстетические открытия И. Канта (Immanuel Kant, 1724–1804), который писал об искусстве как той единственной области, что объединяет умозрительное и эмпирическое, духовное и природное, благодаря деятельности гения. Так возникает тенденция к сакрализации самого художественного акта, который воспринимается как воплощение в посюсторонней действительности с помощью той или иной знаковой системы высшего и запредельного. Из этих предпосылок складывается романтическая парадигма, в основе которой лежит мистико-эстетическое мироощущение.

Несмотря на то, что изучение йенского романтизма через проблемное поле мистики представляется перспективным, подобное исследование сталкивается с рядом проблем. Во-первых, сама дефиниция мистики в современной гуманитаристике осложнена полисемантической и некорректным словоупотреблением. Во-вторых, йенский романтизм характеризуется синкретичностью, стремлением объединить искусство, философию, мифологию, религию и науку в некое единое, органически целостное проектное. Мистика романтизма имеет по преимуществу эстетический характер, что отличает ее от похожих феноменов в религии и эзотерике. Однако это же обстоятельство указывает на стремление романтизма выйти за пределы какой-то одной узкой области, что ведет к определенным методологическим и терминологическим сложностям. Исходя из этого, для изучения мистики йенского романтизма необходимо прояснить смысл термина «мистика» и показать, как этот феномен воспринимался и интерпретировался разными исследователями.

МИСТИКА: ЭТИМОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ

Слово «мистика» восходит к древнегреческим словам *μυστικός* и *μυστική*, которые могут быть довольно условно переведены как «таинственный» и «таинство», эти же слова непосредственно связаны с лексемой *μυστήριον* («мистерия»), образованной от *μύστης* («посвященный в таинство»). Эти слова являются дериватами глагола

μύω, означающего «закрываюсь, закрывать глаза и рот». Этимология слова указывает, что в мистике заложены семы тайны, инициации и закрытия. Последнее, вероятно, связано с эзотерическим характером древнегреческих мистерий, во время которых посвященному открывалось некое тайное знание, не подлежащее разглашению. При этом передавалось оно через проживание мифа в синкретическом представлении-ритуале, что указывает на чувственный, невербальный характер мистического откровения.

Современные определения мистики страдают от зависимости от той или иной религиозной или философской парадигмы, накладывающей определенный отпечаток на дефиницию. Так, например, толковые словари нередко сводят мистику к религиозному идеализму или вере в сверхъестественное, тогда как это соответствует только части явлений, охватываемых мистикой, и фактически отождествляет мистику с иными феноменами, лишая ее самостоятельного поля. Путаницу также вносит адаптация разных языковых традиций, создающая ситуацию неразличимости этимологически родственных понятий. Для русской языковой картины мира Д. В. Сурков, пытаясь определить сущность мистики и мистицизма, предлагает такое разделение: «Если мистика – это область запредельного, то мистицизм – это умонастроения и учения, исходящие из того, что подлинная реальность недоступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом, каковой усматривается в мистике... Мистика – это область, в которой содержится некое универсальное знание о чем-либо, а мистицизм – это учение и методология, при помощи которой человек может получить это знание» [Сурков, 2012, с. 131–132]. При том, что такое разграничение представляется оправданным, в нем заметно влияние теорий, исходящих из крайней степени иррационализма мистики. Проблема недоступности разуму высшей реальности не заботит мистицизм, который посвящен целиком и полностью рефлексии над мистикой как особым способом познания истинной природы бытия (и контакта с трансцендентным). Для осмысления полученного опыта могут применяться как туманные аллегорические образы, так и интеллектуальные философские конструкции.

Мистика как феномен имеет непосредственное отношение к ментальным процессам, поэтому ее характер в самом общем виде может быть рассмотрен через призму психологии. С таким подходом исследовал мистику У. Джеймс, предложивший два основных и два вторичных качества, характеризующих этот феномен. К базовым качествам мистики он относит невыразимость (Ineffability)

и интуитивность (Noetic quality) [James, 1985]. Первое указывает на принципиальную невозможность выразить мистическое переживание дескриптивно, так как оно в большей степени имеет отношение к чувственной сфере. Примечательно, что в качестве близких по характеру явлений У. Джеймс приводит музыку и любовь, которые не могут быть переданы без купюр вербальными средствами. Второе указывает на познавательный характер мистики, пускай и сопряженный с чувственным опытом, в чем он похож на озарение.

Собственно, пассивность (Passivity) и кратковременность (Transiency) У. Джеймс относит к второстепенным качествам мистики. Во время мистического переживания субъект теряет контроль над собой, находясь во власти высших сил, но само это экстатическое переживание длится очень непродолжительно время. Эти свойства почти полностью совпадают с художественной инспирацией, особенно в ее интерпретации йенскими романтиками. Мистика в ее сущностном ментальном аспекте может рассматриваться как феномен, существующий не только в рамках религии, но и в любой деятельности человека, затрагивающей все уровни его сознания и имеющей отношение к парарациональному постижению и восприятию наиболее значимого, высшего. Исходя из этого, может быть предложена следующая дефиниция: Мистика – европоцентричное понятие, характеризующее невыразимое знание, как правило, сакрального характера, получаемое сверхчувственным способом целостно и непосредственно в результате особого рода переживаний.

МИСТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР РОМАНТИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ

Йенский романтизм исходит из скрытого присутствия в посюстороннем мире духовных феноменов, уводящих к бесконечному и трансцендентному. Познать их возможно только особым способом в результате сильнейших чувственных потрясений, связанных, как правило, с искусством, любовью и природой. В этом романтическое уmonoстроение носит отчетливо мистический характер. Поскольку мистика определяется невыразимостью, существенным становится способ опосредования мистического переживания, т. е. передачи духовного откровения в той или иной знаковой системе. Само же это откровение не всегда обязано относиться к сфере трансцендентальной – это может быть понимание скрытой природы имманентных феноменов. На этом основании искусство как раз и становится той областью, что позволяет не только наилучшим

образом «выразить невыразимое» с помощью многозначных символов и иносказательности, но и попытаться создать само мистическое переживание в силу одновременного воздействия на интеллект и чувства. В этом проявляется сущность сакрализации искусства в романтизме, так как оно наделяется способностью выражать с помощью знаков и тропов явления высшего порядка. А художник, в свою очередь, сближается с духовидцем, медиатором земного и небесного, способным распознать божественное и запечатлеть его в своем творчестве. Эта идея в романтической эстетике доходит до парадигмального переосмысления мимесиса. Искусство в романтизме не столько подражает природе, изображая конкретные вещи и феномены, сколько выражает их идеальные первообразы. Так Ф. Шеллингом формулируется идея присутствия бесконечного в конечном, являющаяся основополагающей для йенского романтизма.

МИСТИКА ЙЕНСКОГО РОМАНТИЗМА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

Монография В. М. Жирмунского «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) стала первым фундаментальным трудом на русском языке по немецкому романтизму. В. М. Жирмунский выделяет в качестве смыслового ядра йенского романтизма «живое чувство присутствия бесконечного в конечном» [Жирмунский, 1996, с. 8]. Из этой идеи развиваются наиболее существенные аспекты романтического мистического чувства, те проявления универсума, в которых мистика в полной мере реализуется. В. М. Жирмунский относит к ним природу, искусство и художника (носителя мистического чувства), любовь, этику, историю, выраженную в концепциях Золотого века и Царства Божия, а также мифологию как поэтическую форму живой, настоящей религии. Раскрытие этих сфер в творчестве Новалиса, Л. Тика, Ф. Шлегеля, В. Г. Вакенродера и других романтиков йенского круга составляет заметную часть монографии ученого. В. М. Жирмунский утверждает, что в литературном творчестве романтиков не только на уровне идей и концепций обнаруживается репрезентации мистики, но также и в жанровой системе, стилистике, «поэтике настроений», музыкальности, системе тропов.

После революции отечественная германистика была сильно скованна идеологическими запретами, не позволявшими должным образом изучать мистическую составляющую немецкого романтизма. Немногочисленные исследования вплоть до 60-х годов XX века были, как правило, обзорными и оценочными, критиковавшими романтическое

движение с позиций теории классовой борьбы. Исключением этого периода являются статьи Н. Я. Берковского, легшие в основу значительного труда «Романтизм в Германии» (1973). И хотя исследователь не пишет напрямую о мистической природе йенского романтизма, им указаны два явления, типологически сближающиеся с мистикой, первое оценивается скорее положительно, а второе – отрицательно. Первое определено как поэзия движения жизни: «Тайно и непрестанно льющаяся жизнь – и в этом первооснова эстетики романтиков... Они любят само течение жизни уподоблять стиху. Оно, собственно, уже есть стих по-своему, поэзия неписанная, не записанная, и станет поэзией по всем правилам, едва мы того пожелаем» [Берковский, 2001, с. 19–20]. Жизнь и поэзия – взаимозаменяемые явления, одно может быть выведено из другого, что указывает на восприятие действительности как мистически организованной гармонии, а поэзии как средства в эту гармонию проникнуть. Негативно Н. Я. Берковский оценивает влияние Ф. Шлейермахера (Friedrich Schleiermacher, 1768–1834) на ранних немецких романтиков, что, как считает исследователь, способствовало их тяге к обскурантизму.

С конца 80-х в отечественном литературоведении начинается новый этап исследования немецкого романтизма, ознаменованный выходом множества значимых научных трудов, сформировавших образ немецкого романтизма в современной отечественной гуманитаристике. Одна из первых таких работ принадлежит А. В. Михайлову, который в книге «Эстетика немецких романтиков» (1987) пишет об универалистской идее живого организма, развивающегося диалектически, как основе раннего немецкого романтизма. Обращая внимание на натурфилософскую романтическую базу, исследователь указывает, что она формируется из лирического видения живого, к которому прибавляется осторожно названное «традиционное, символическое знание» [Михайлов, 1987, с. 34], под которым понимается философско-мистическая традиция. Д. Л. Чавчанидзе в диссертации «Феномен искусства в немецкой романтической прозе: средневековая модель и ее разрушение» (1995) также обращается к проблеме соотношения духовных паттернов романтического мироощущения с предшествующей традицией, показывая восприятие творческой деятельности как мистического процесса, который в романтизме доходит, как считает исследовательница, до ухода в запредельное и игнорирования реальности. Ближе к мистической феноменологии искусства в романтизме подходит А. Б. Ботникова, которая пишет о романтической тяге к запечатлению сверхчувственного

с помощью существующей знаковой системы, что ведет к такой интерпретации искусства: «Поэзия воспринималась как иероглиф всего сущего, его зашифрованный знак, а поэт как хранитель знания, недоступного для обычных смертных» [Ботникова, 2003, с. 22]. Эта идея схожим образом звучит в фундаментальном труде Ф. П. Федорова «Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика» (2004): «Слово в романтической литературе является образом универсума; устремленное к смысловой неисчерпаемости, оно трансформируется в символ; и как в любом символе, в нем осуществляется прорыв из конечного в бесконечное» [Федоров, 2004, с. 33]. Таким образом, исследователи обращают внимание на специфику художественного языка в творчестве немецких романтиков, который, согласно их эстетическим позициям, наделяется мистико-магическими качествами, так как способен выражать смысловое ядро мироздания и жизни, а через символическую неисчерпаемость вести, но никогда не доводить, к трансцендентному.

К гносеологической проблеме мистики йенского романтизма приближается А. В. Карельский, размышляющий о соотношении чувства и разума в романтической культуре. И хотя исследователь пишет о «культе чувства» в романтизме, он же указывает, что в романтической парадигме слишком много философии и рефлексии, чтобы речь шла исключительно об аффектах и эмоциональном излиянии. А. В. Карельский указывает, что «обдуманное чувство» немецких романтиков специфическим образом объединяет чувственное и рациональное при примате первого и инструментальности второго. Примечательно, что сам исследователь указывает, что подобного рода размышления наталкиваются на ряд противоречий, требующих дальнейшей научной рефлексии [Карельский, 2007, с. 133]. Это подводит к идее необходимости термина, который, не будучи помещенным исключительно в оппозицию разум – чувство, указал бы на специфику романтического мировосприятия, в котором эти базовые ментальные способности пребывают в особом синтезе.

В настоящее время последним масштабным исследованием немецкого романтизма, охватывающим как его эстетико-литературные основы, так и культурный контекст и творчество его персоналий, является монография А. Е. Махова «Реальность романтизма» (2017). Во второй части книги исследователь пишет о трансмузыкальном характере раннего немецкого романтизма, в котором музыка выступает организующим принципом универсума, растворенным в других искусствах и философии. Музыка для йенских романтиков является столь

возвышенным искусством в силу того, что выступает наиболее эфемерным искусством, в котором чувственно-духовное содержание оформляется в материально выраженном звуке. По этой причине музыка интерпретируется как наиболее чистое пограничное явление между небесным и земным.

МИСТИКА ЙЕНСКОГО РОМАНТИЗМА В ЗАРУБЕЖНОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

В одну историческую эпоху с В. М. Жирмунским жил и работал О. Вальцель, чей труд «Немецкий романтизм» («Deutsche Romantik», 1918) стал впоследствии классическим, так как обозначил идейно-эстетические, временные и литературно-биографические контуры немецкого романтизма. Мистическое не является центральной проблемой его исследования, но выступает в качестве одного из структурных компонентов йенского романтизма. О. Вальцель в духе философии Ф. Шеллинга связывает романтическую мистику с идеей присутствия бесконечного в конечном. Ученым формулируется концепция романтического гения как посредника имманентного и трансцендентного, указывается на сакрализацию любви, наряду с искусством, а также на восприятие йенскими романтиками христианства и неоплатонизма. Несколько позже выходит даже более масштабный по своему охвату труд Г. Штефански «Сущность немецкого романтизма» («Das Wesen der deutschen Romantik», 1923), в котором исследователь подходит к изучению романтизма скорее с психолого-философских позиций, выдвигая в качестве центрального понятия – Denkform (форма мышления). Для раннего немецкого романтизма, пишет исследователь, характерны разные формы иррационализма, определяющие художественный характер произведений тех или иных авторов. Так, например, творчество В. Г. Вакенродера названо магическим, творчество Новалиса – мистическим, а творчество Л. Тика (Ludwig Tieck, 1773–1853) – смешанным. Кроме того, исследователь считает, что иррационализм ранних немецких романтиков носит исключительно эстетический характер.

В этом с ним полемизирует Ф. Штрих, считающий, что романтизм, воплощающий диониссийское начало в философии Ф. Ницше (Friedrich Nietzsche, 1844–1900), характеризуется постоянной динамикой и непрекращающимся движением к бесконечности (Unendlichkeit). Ф. Штрих считает, что весь немецкий романтизм в своих духовных исканиях распадается на два крупных направления: в первом воплощается христианский дух (Новалис), а во втором – подлинно диониссийский

дух, направленный к бездне посюстороннего мира (Гёльдерлин). «Христианский романтизм» Ф. Штрихом характеризуется как тяготеющий к мистике, характер которой определяется через одиночество субъекта, который обнаруживает связь с универсумом и Богом. Отсюда проистекает интерпретация страстного томления (Sehnsucht) как тоски по Богу и непрекращающемуся поиску утраченного рая.

Среди значительных немецкоязычных исследователей первой половины XX века также выделяется П. Клухон, интерпретирующий романтизм через призму национальной культуры. Мистический компонент эстетики йенского романтизма исследуется в контексте творчества Новалиса. П. Клухон в полемике с Ф. Штрихом указывает на универсализм и новизну религиозного чувства Новалиса, которое не укладывается в христианскую парадигму. Само же проникновение мистики в художественную реальность его произведений обосновывается личным опытом, связанным со смертью невесты Софи фон Кюн (Sophie von Kühn, 1782–1797), спровоцировавшей мистическое переживание, ставшее импульсом зрелого творчества.

В 60–70-х годах в зарубежной германистике активизируется интерес к немецкому романтизму. Выходят исследования, посвященные разным аспектам йенского романтизма: жанровому, историко-биографическому, компаративистскому. В этот период вновь разворачивается спор о христианском или сугубо эстетическом характере религиозности и мистики йенских романтиков. Первую позицию отстаивает Э. Бенц, предположивший, что генезис романтической философии коренится в христианском мистицизме, особенно в трудах М. Экхарта (Meister Eckhart, ок. 1260–1328), Я. Бёме (Jakob Böhme, 1575–1624) и Э. Сведенборга (Emanuel Swedenborg, 1688–1772). Второй позиции придерживается М. Тальманн, считающая, что романтизм – это, прежде всего, художественное направление, чья мистическая направленность внерелигиозна: «Романтики, как Эмили Тэст говорила о своем муже (Валері), “мистики без Бога”. Речь идет о мистике поэтической, о направленном внутрь процессе, который с помощью слова и рисунка стремится выйти наружу» [Thalmann, 1970, с. 25]. Представляется, что применительно к йенскому романтизму обе позиции справедливы: при самобытном, внедогматическом и эстетическом характере мистики йенского романтизма, сами романтики опирались на богатую философско-мистическую традицию и рефлексировали на религиозные темы.

Изучение немецкого романтизма в современном зарубежном литературоведении

характеризуется многовекторностью и разнообразием подходов. Разные исследователи рассматривают экстралитературные аспекты йенского романтизма, такие, например, как естественно-научные изыскания, повлиявшие на романтическую эстетику и художественную практику. Признавая синтетичность романтического мировосприятия, Ф. К. Байзер изучает философию и эстетику немецкого романтизма с позиции отношения к разным формам рациональности и приходит к выводу, что оппозиция между Просвещением и романтизмом выстраивается не на основании противопоставления рационализма иррационализму, а посредством противостояния двух моделей разума: механистической и холистической. Ф. К. Байзер пишет о художественном опыте романтиков как скорее гиперрациональном, признающим возможности познания, но желающим подняться еще выше.

Рецепция платонизма, неоплатонизма и древних мистерий в немецком романтизме также является предметом изучения Д. фон Петерсдорфа в диссертации «Речь мистерий. К самопониманию интеллектуала-романтика» («Mysterienrede. Zum Selbstverständnis romantischer Intellektueller», 1996), методологически близкой постструктурализму. Исследователь сравнивает мистериальный и философский дискурсы эллинской цивилизации с романтической культурой, приходя к выводу, что знаковая система мистерий была воспринята романтиками в их философии и творчестве, оказав влияние на формирование их идентичности. Д. фон Петерсдорф пишет, что мистериальная составляющая романтизма не только связана с мифологической образностью, но также выражает инициативные практики, приобщающие к сакральным тайнам, но выражает их дискурсивно. Поэтому в романтическом проекте новой мифологии ученый усматривает парадигмальную революцию в коммуникативно-теоретической и знаково-изобразительной областях. Иллюстративность и вербальная ясность позднего Просвещения как

принципы мышления сменяются невыразимостью и чувственностью мистерии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большинство исследователей, вне зависимости от их критической оценки, сходятся в том, что мистика является структурообразующим элементом йенского романтизма, влияющим как на его философско-эстетическую теорию, так и на художественную практику. В зависимости от методологии и подхода ученого отличаются интерпретации этого феномена. Кто-то рассматривает мистику как религиозно-поэтическое чувство, кто-то в аспекте философии познания, кто-то как признак реакции и обскурантизма, кто-то как знаковую систему, а кто-то как развитие и выражение той или иной религиозной или философско-мистической традиции. Мистика йенского романтизма, хотя она, так или иначе, затрагивалась на всем протяжении литературоведения XX века, остается актуальной проблемой, интерес к которой не утихает.

Все многообразие представленных подходов к проблеме мистики йенского романтизма не может быть легко сведено к единому, стройному основанию, объясняющему мистическую природу романтизма полно и всеохватно. Вероятно, одним из наиболее ярких, декларативных примеров подобной попытки запечатлен самим романтиком, поэтом швабской школы Л. Уландом (Ludwig Uhland, 1787–1862): «Это мистическое проявление нашего глубочайшего духа в образе, это вторжение мирового духа, это очеловечение божественного, одним словом: это предчувствие бесконечного в видимом и воображаемом и есть романтическое» [Уланд, 1980, с. 160].

Опираясь на эту формулировку и представленные научные работы по терминологии мистики и немецкому романтизму, предлагается следующая дефиниция романтической мистики: сверхчувственное эстетическое постижение субъектом через свой дух бесконечной природы конечных явлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сурков Д. В. Различие понятий «Мистика», «Мистицизм» и «Мистический опыт» // ОНВ. 2012. № 5 (112). С. 131–134.
2. James W. The Varieties of Religious Experience. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1985.
3. Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб.: Аксиома, Новатор, 1996.
4. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. М.: Азбука-классика, 2001.
5. Михайлов А. В. Эстетические идеи немецкого романтизма // Эстетика немецких романтиков. М.: Искусство, 1987. С. 7–43.
6. Ботникова А. Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003.
7. Федоров Ф. П. Художественный мир немецкого романтизма: структура и семантика. М.: МИК, 2004.

8. Карельский А. В. Немецкий Орфей. М.: Изд-во РГГУ, 2007.
9. Thalmann M. Romantiker als Poetologen. Heidelberg: Stiehm, 1970.
10. Уланд Л. О романтическом // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Издательство Московского университета, 1980. С. 159–162.

REFERENCES

1. Surkov, D. V. (2012). Razlichie ponyatij «Mistika», «Misticizm» i «Misticheskij opyt» = The difference between the concepts of «Mystique», «Mysticism» and «Mystical experience». ONV, 5(112), 131–134. (In Russ.)
2. James, W. (1985). The Varieties of Religious Experience. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press.
3. Zhirmunskij, V. M. (1996). Nemeckij romantizm i sovremennaya mistika = German romanticism and modern mysticism. St. Petersburg: Aksioma, Novator.
4. Berkovskij, N. Ya. (2001). Romantizm v Germanii = Romanticism in Germany. Moscow: Azbuka-klassika. (In Russ.)
5. Mihajlov, A. V. (1987). Esteticheskie idei nemeckogo romantizma = Aesthetic ideas of German romanticism. Estetika nemeckih romantikov (pp. 7–43). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Botnikova, A. B. (2003). Nemeckij romantizm: dialog hudozhestvennyh form = German romanticism: the dialogue of art forms. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj universitet. (In Russ.)
7. Fedorov, F. P. (2004). Hudozhestvennyj mir nemeckogo romantizma: struktura i semantika = The art world of German romanticism: structure and semantics. Moscow: MIK. (In Russ.)
8. Karel'skij, A. V. (2007). Nemeckij Orfej = German Orpheus. Moscow: Izd-vo RGGU. (In Russ.)
9. Thalmann, M. (1970). Romantiker als Poetologen = Romantics as poetologists. Heidelberg: Stiehm.
10. Uland, L. (1980). O romanticheskom = About the romantic. Literaturnye manifesty zapadnoevropejskih romantikov (pp. 159–162). Moscow: Moscow State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чернявский Иван Борисович

аспирант кафедры всемирной литературы
института филологии
Московского педагогического государственного института

Сомова Елена Викторовна

доктор филологических наук
профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы
переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Chernyavskiy Ivan Borisovich

Postgraduate Student, Department of World Literature
Institute of Philology
Moscow Pedagogical State University

Somova Elena Viktorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Department of Russian and Foreign Literature
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

07.07.2023
11.07.2023
13.07.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication